

«Мало беспартийных студентов принимают и втягивают в партию»: К истории витебского студенчества конца 1920-х гг.

Яковлева Г.Н., Дулов А.Н.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Студенты вузов и техникумов БССР, являясь неотъемлемой частью советского студенчества, были вовлечены в процессы пролетаризации высшего и среднего специального образования в СССР, адаптации к новым формам и методам обучения и усвоения новой советской идеологии. Важную роль в этом играли профессиональные организации пролетарского студенчества (Пролетстуда).

Цель исследования – на материалах анкет Пролетстуда реконструировать материальное положение, бытовые практики и общественно-политические настроения студентов г. Витебска конца 1920-х гг.

Материал и методы. В 1929 г. в ходе обследования студенчества БССР студенты ветеринарного института, пяти техникумов и витебского рабфака отвечали на вопросы анонимной культурно-бытовой анкеты ЦБ Пролетстуда ЦСПСБ. Республиканская комиссия по проведению обследования информацию об итогах прислала в Витокружском КП(б)Б. Эти документы отложились в Государственном архиве Витебской области и стали основой для исследования. В статье использовались как общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение), так и специально-исторические методы исследования (сравнительно-исторический и историко-генетический).

Результаты и их обсуждение. Анкета называлась культурно-бытовой, но часть вопросов носила политико-идеологический характер. Речь шла о реализации самокритики и демократии в учебном заведении, мнении о работе студенческих организаций и отношении студентов к общественной работе. Выяснялось отношение к национальной политике. Какие недостатки были в учебном заведении и как их устранить. Выяснялось мнение о научных работниках и преподавателях учебного заведения, были ли «идеологические вывихи», которые предлагалось показать. Подборка цитат из ответов на вышеперечисленные вопросы содержала в основном критические замечания. Полученная информация использовалась по-разному: и для устранения нарушений, и для контроля над аппаратом, и для выявления оппозиционеров, и для зондирования настроений студенчества. Ответы на вопросы, культурно-бытового характера были обобщены по каждому учебному заведению и позволяли узнать количество студентов, их социальное происхождение, религиозность и партийность, возраст, пол, состояние здоровья, условия проживания и учебы, материальное положение. По анкете можно судить о том, что тогда считалось девиантным поведением (игра в карты, курение, ругань, употребление спиртного, онанизм). Выяснялась половая жизнь и представление студентов об идеале половой жизни, их отношение к браку, пользовались ли студентки косметикой.

Заключение. К концу 1920-х гг. витебское студенчество в основном уже классово и идеологически соответствовало ожиданиям партии. Большинство студентов были настроены антиклерикально, пропитаны советской идеологией и новыми социальными представлениями. Стремилась стать членами партии, комсомола, профсоюза, что соответствовало образу «красного студенчества». Будучи убежденными общественниками, не удовлетворялись ролью студенческих профорганизаций в жизни своих учебных заведений и качествами руководителей своих профорганизаций. Часто подмечали у них карьеристские устремления. Ощущали угрозу в случае критики своих «верхов», видели давление партийных инстанций на профсоюз, его несамостоятельность.

Большинство студентов были выходцами из семей рабочих, крестьян, мелких ремесленников и торговцев из местечек, проживали только на стипендию, которая не обеспечивала их базовых потребностей. Тяжелые жилищно-бытовые условия являлись причиной возникновения серьезных межличностных конфликтов и подорванного здоровья. Все это, наряду с необходимостью постоянной подработки, влияло на качество учебного процесса. Проблема отношений между полами волновала молодежь, дискуссии на эту тему были знакомы и в провинции. Но если судить по ответам, уровень сексуальной свободы среди витебских студентов конца 1920-х гг. носил умеренный характер.

Ключевые слова: Пролетстуд, студенты, анкета, стипендия, демократия, общественная работа, критика, брак, быт, преподаватели.

(Ученые записки. – 2021. – Том 34. – С. 20–27)

“Few Students are Involved into the Party Membership”: From the History of the Late 1920s Vitebsk Students

Yakovleva G.N., Dulov A.N.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

University and technical school students in the BSSR, as an integral part of Soviet students, were involved into the processes of proletarianization of higher and secondary special education in the USSR, adaptation to new forms and methods of teaching as well as mastering new Soviet ideology. Professional organizations of proletarian students (Proletstud) played an important part in it. The research purpose is to reconstruct the material state, everyday practices as well as social and political moods of the late 1920s City of Vitebsk students on the basis of Proletstud questionnaires.

Material and methods. In 1929 in the course of the survey of the BSSR students veterinary students as well as students of five technical schools and Vitebsk rabfac (Workers' Faculty) answered the questions within an anonymous culture and everyday life questionnaire of Proletstud Central Bureau, The Survey Republican Commission sent the survey findings to Communist Party of Belarus Vitokruzhcom (Vitebsk Committee). These documents are in the State Archive of Vitebsk Region and became the research base. Both general scientific (analysis, synthesis, comparison and generalization) and special historic research methods (the comparative historical and the historical genetic) were used in the article.

Findings and their discussion. The questionnaire was called cultural and everyday life but part of the questions was of political and ideological character. The idea was the implementation of self-criticism and democracy at an education establishment, what students thought of the work of student organizations and the student attitude to social work. The attitude to the national policy was also found out as well as the shortcomings at an education establishment and the ways to prevent them. Students were asked what they thought of the education establishment teachers and researcher, if they observed ideological “distortions” and which ones. The quotations of the replies were mainly of the critical nature. The obtained information was used in various ways: to delete violations, to control the administration, to expose the opposition and to find out student moods. Answers to culture and everyday life questions were generalized for every education establishment which made it possible to learn the number of students, their social background, their religion and party membership, age, gender, health, living and study conditions, material state. The questionnaires revealed what then was considered to be deviant behavior (playing cards, smoking, filthy language, drinking). Sexual life and students' ideas of ideal sexual life was found out as well as their attitude to marriage and whether they used make up.

Conclusion. By the late 1920s Vitebsk students mainly had suited the Party expectations from the point of view of class and ideology. Most students were anticlerical in their attitude, soaked with Soviet ideology and new social ideas. They wanted to become Party, Komsomol, trade union members, which was a typical image of “the red student”. They were committed to social life, were not satisfied with the role of student trade unions in the life of their education establishments, or with qualities of trade union leaders. They were often career oriented. When criticizing their authorities they felt threat, saw the pressure on the part of the Party authorities on trade unions, trade union dependence.

Most students came from workers, peasants, small scale businessmen and salesmen families from settlements; they lived only on their scholarships which did not satisfy their needs. Hard living conditions resulted in the emergence of serious interpersonal conflicts and health damage. All this alongside with the necessity in constant earning money influenced the quality of their academic performance. Gender relations worried young people, discussions on the topic were also common in province. According to answers sexual freedom among Vitebsk students of the late 1920s was of moderate character.

Key words: Proletstud, students, questionnaire, scholarship, democracy, social work, criticism, marriage, life, teachers.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 34. – P. 20–27)

Революция 1917 г. в России изменила систему образования, которая в руках партии большевиков стала средством преобразования социальной структуры общества, воспитания молодого поколения, способного строить новый мир. Пролетаризация и коммунизация состава студенчества оставалась задачей партии все 1920-е гг. Профсоюзы были частью советской политической системы, а студенческие профсоюзные секции – объединениями пролетарского студенчества, с помощью которых решались задачи изменения классового состава советского студенчества и его идеологической закалки. В 1923 г. при ВЦСПС была создана общественная организация про-

летарского студенчества – Пролетстуд с Центральным Бюро (ЦБ Пролетстуда) во главе. К 1925 г. возникли 62 объединения пролетарского студенчества по всему СССР [1]. Были созданы и республиканские ЦБ Пролетстуда. Витебское губернское бюро Пролетстуда было создано в конце 1923 г. С включением Витебской губернии в состав БССР в 1924 г. и проведения административно-территориальной реформы профсоюзные секции ветинститута и техникумов города стали подчиняться витебскому городскому бюро Пролетстуда и ЦБ Пролетстуда ЦСПСБ¹ в Минске.

¹ ЦСПСБ – Центральный совет профессиональных союзов БССР.

Материал и методы. В начале 1929 г. проводилось обследование студенчества БССР. В его рамках студентам вузов, техникумов и рабфаков была предложена анонимная культурно-бытовая анкета ЦБ Пролетстуда ЦСПСБ. В Витебске на анкету отвечали студенты ветеринарного института (ВВИ), художественного техникума (ВХТ), белорусского педагогического (ВБПТ), еврейского педагогического (ВЕПТ), кооперативного (ВКТ) и политехнического техникумов (ВПТ), витебского рабфака (рабочего факультета). Комиссия по проведению обследования информацию об итогах из Минска прислала в Витокружком КП(б)Б. Она состояла из двух частей: «Сведений о заполнивших анкеты студентах» по каждому учебному заведению и цитат из ответов на ряд вопросов. Эти материалы отложились в Государственном архиве Витебской области и стали основой для ряда выводов о витебском студенчестве конца 1920-х гг.

Цель исследования – на материалах анкет реконструировать материальное положение, бытовые практики и общественно-политические настроения студентов г. Витебска конца 1920-х гг. В статье использовались как общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение), так и специально-исторические методы исследования (сравнительно-исторический и историко-генетический).

Результаты и их обсуждение. Анкетирование – распространенная практика 1920-х гг. Периодически его проводило и ЦБ Пролетстуда по всем вузам и техникумам страны. Полученная информация использовалась по-разному: и для выявления проблем и устранения нарушений, и для контроля над руководящими органами на местах, и для выявления оппозиционеров, и для зондирования настроений студенчества. Осенью 1929 г. итоги анкетирования обсуждались в ЦБ Пролетстуда и в студенческих коллективах на местах.

Количество витебских студентов, отвечавших на анкету 1929 г., было неодинаковым в разных учебных заведениях, но их было почти 50% от общего числа обучавшихся. На анкеты отвечали юноши и девушки 16–30 лет. Анонимная анкета 1929 г. называлась культурно-бытовой, но часть вопросов носила политико-идеологический характер, цитаты именно из этих ответов были присланы в Витокружком КП(б)Б. Речь шла о реализации самокритики и демократии в учебном заведении, мнении о работе студенческих организаций и отношении студентов к общественной работе. Выяснялось отношение к национальной политике вообще и к белорусизации в частности. Интересовало авторов анкеты, чем руководствовался студент при выборе своей специальности и доволен ли ей. Какие недостатки были в учебном заведении и как их устранить. Выяснялось мнение о том, надо ли в студенческие годы вступать в брак. Вопрос «Твое мнение о научных работах и преподавателях учебного заведения. Их соответствие своему предназначению. Идеологическое содержание в их работе; если есть идеологические и другие вывихи, тогда покажи, по каким дисциплинам

и приведи наиболее яркие примеры», по нашему мнению, провоцировал студентов на доносы. Присланная подборка цитат из ответов на вышеперечисленные вопросы содержала в основном критические замечания. Для понимания выделения именно этих вопросов надо помнить контекст эпохи: развертывание индустриализации, «шахтинское дело»², начало свертывания политики белорусизации, призывы XV съезда ВКП(б) и Сталина (Иосиф Виссарионович Сталин, 1879–1953) к самокритике после разгрома оппозиции.

Ответы на вопросы, которые носили культурно-бытовой характер, были обобщены по каждому учебному заведению. Эти сведения позволяют узнать количество студентов, их социальное происхождение, религиозность и партийность, возраст, пол, состояние здоровья, условия проживания и учебы, материальное положение. Представляется неоднозначным отбор вопросов авторами анкет: если интерес к регулярности чтения газет и вида читаемых книг понятен, то почему их интересует отношение студентов только к музыке, неясно. Анкета спрашивает «где обедают» студенты, но не уточняет качества питания. По ней можно судить о том, что тогда считалось девиантным поведением (игра в карты, курение, ругань, употребление спиртного, онанизм). Выяснялась половая жизнь («нормальная–беспорядочная–воздержание») и представление студентов об идеале половой жизни с вариантами ответов: «долгосрочные отношения–случайные–воздержание–нет ответа», их отношение к браку и косметике. Предлагавшиеся вопросы и варианты ответов не во всем устраивали студентов, о чем они писали в своих комментариях («эта анкета не исчерпывающе знакомит нас с многогранной фигурой студенчества»).

Материалы анкетирования свидетельствуют о сложных материально-бытовых условиях жизни студентов. В предлагавшейся градации источников существования и сколько средств они имеют в месяц, большинство называло стипендию. Очень часто студенты определяли уровень своих доходов суммой до 18 и в 18–24 руб. [1, л. 287об.] Сумма в 18–20 руб. соответствовала размеру стипендии. Она была маленькой, к тому же ее часто дробили наполовину. Студенты получали как государственные, так и частные (с 1925 года – хозяйственные, выплачиваемые студенту каким-либо предприятием с условием последующей работы на нем студента) стипендии. Государством стипендиальный фонд выделялся только на 40% студентов. «Обеспечение студенчества стипендиями было самой острой и трудно-решаемой проблемой на протяжении 20-х гг. Как размер стипендий, так и их количество были далеки от действительных потребностей» [2]. Многие вынуждены были искать подработку. Часто это был тяжелый физический труд.

² Судебный процесс в 1928 г. в Шахтинском районе Донбасса по обвинению большой группы руководителей и специалистов угольной промышленности из ВСНХ, треста «Донуголь» и шахт во вредительстве и саботаже.

С введением классовых принципов комплектации вузов властями был утвержден и классовый принцип распределения стипендий. При ее назначении также учитывалось членство в партии, комсомоле, профсоюзе. «Пролетаризация» контингента учебных заведений города была достаточно высокой. Большинство студентов родилось в семьях рабочих и крестьян. С учетом значительного числа еврейского населения региона, объяснимо присутствие в ВЕПТ, ВБПТ, ВХТ и ВВИ выходцев из среды ремесленников и мелких торговцев. У абсолютного большинства студентов в семьях были чрезвычайно низкие доходы. Социальные предрасположения и конкуренция за стипендию давали о себе знать. Респондент ВБПТ писал: «Плохо то, что наш секретарь партиячейки знает, кто платит 30 руб. налога и защищает их, чтобы дали стипендию, и дают, а не знает тех, кто платит 6 руб. и предлагает снять» [1, л. 417]. Сложности с определением социального статуса студентов влияли на ее назначение и вызывали обиды и негодования студентов. «Но много энергии отнимает одно сознание, что ты “служащий по происхождению”, не нужен советской школе как элемент, что твою неполную стипендию каждый день готов снять профком, несмотря на то, что мать еле волочит ноги, не имея никакой абсолютно собственности, учительница с 18 лет работает не покладая рук. “Служащая”. Сначала дадим стипендию рабочим, крестьянам», – с горечью писал один из студентов [1, л. 285об.]. Многие отмечали, что стипендии назначаются несправедливо, ее могут лишит по любому поводу, в том числе политическому. «Попробуй покритиковать, останешься без стипендии», «вместо диплома пойдешь на биржу» и т.д. [1, л. 298]. «В техникуме демократии нет. Все поднимают руки, боясь, чтобы не сняли стипендию» [1, л. 295об.].

Огромной проблемой витебского студенчества оставалась нехватка мест в общежитии. Многие снимали квартиры и не получали помощи от профсоюза. Условия жизни в общежитиях были тяжелыми: шум, холод, скученность в комнатах (в ответах упоминалось проживание даже по 17 человек), нехватка освещения. «Что касается самого учебного заведения, то еще ничего, но совсем невозможное дело с жизнью и бытом студентов, особенно парней. Живем на удалении одного км от техникума, снабжение водой и светом периодическое, целыми месяцами нет уборной, теснота невероятная, распространены кражи» [1, л. 416об.]. Об общежитии ВХТ писали даже в газете «Заря Запада». В заметке с названием: «Студенческое общежитие или ночлежка?» рисовалась неприглядная картина быта тех лет: «Уже второй месяц, как молодежь со всех концов БССР учится в художественном техникуме, ютится в таком студенческом общежитии, которое похоже на ночлежку. Грязь невообразимая, теснота такая, что между койками не пройти. Полов никогда не моют. Из испорченного крана вода посто-

янно течет на пол в сенях, а оттуда – в общежитие. Вообще положение студентов тяжелое. Особенно плачевно положение у студентов 1-го курса, потому что они живут на свои средства и большинство – сыновья бедных родителей, которые не могут прислать им денег, а стипендию еще не распределили» [3, л. 126об.].

К бытовым проблемам добавлялись сложные условия учебы: нехватка помещений, мебели, учебников и учебных пособий. Неудовлетворительным было питание, многие студенты жили впроголодь. «В столовой морят голодом». «Столовка отнимает много времени – около двух часов». На вопрос о самочувствии студенты в основном отвечали – «удовлетворительное» или «плохое». У многих были проблемы со здоровьем. Конечно, профсоюзы старались проявлять заботу о здоровье студентов, выделяя материальную помощь, путевки на санаторно-курортное лечение, пытались повлиять на организацию питания, но их возможности были невелики. Отсюда и ответы анкетированных. Угнетало однообразие студенческой жизни: «Живешь, как все живут, а все не живут, а прозябают». «Работа студенческих организаций должна принять другой оборот, ибо жизнь студентов слишком однообразна, вечера по одному шаблону и неинтересные студентам» [2, л. 415об., 412об.].

Витебские студенты – это уже советское поколение, впитавшее в себя политико-идеологические и социальные установки эпохи. Только 4 человека признали свою религиозность. Часть студентов не ответили на вопрос, можно предположить, что верующих было больше. Иначе бы не проводили показательных общественных судов над комсомольцами, отмечавшими Пасху и т.д. Но в большинстве своем их отношение к церкви очевидно. Одному не нравилось, что некоторые преподаватели «не порвали связь с религией, что выражается в посещении церквей, а также отчасти во время читки лекций» [2, л. 287об.]. Другой сигнализировал, указывая преподавателя конкретной дисциплины: «Религиозный, читает лекции так, что их никто не слушает» [2, л. 416об.]. Не нравилось студентам употребление преподавателями выражений типа «перст вместо палец», «священная истина». В ВБПТ среди недостатков указывалось, что «много студентов духовного звания» или «детей попов и крупных землевладельцев» [2, л. 417].

Студенты признавали огромную значимость общественной работы. Они занимались ликвидацией неграмотности, шефствовали над предприятиями, воинскими частями, учреждениями города, близлежащими деревнями, занимались антирелигиозной пропагандой, работали в ячейках добровольных обществ, проводили культурно-массовую работу и т.д. «Всегда нес общественную нагрузку. Общественная работа воспитывает человека-строителя социализма, это, во-первых, а во-вторых, общественная жизнь необходима», – писал студент, член КПБ [2, л. 286]. «Вообще я не был ни одного дня без общественной работы и считаю, что это дело должно быть на первом месте», – писал сту-

дент МХТ [2, л. 295об.]. Положительно воспринимая саму общественную работу, студенты критически относились к руководителям студенческих общественных организаций. Среди них много болтунов, «так называемых словохлестов» [2, л. 402об.]. «Большинство руководителей наших организаций работают с целью пробить себе карьеру». «Хорошим общественным работником считается тот, кто не работает, а только болтает» [2, л. 415]. Социальная сегрегация ощущалась и при распределении нагрузки: одних загружают по максимуму, других игнорируют, хотя они и хотели бы ею заниматься. «В общественной работе участвуют только партийцы, а беспартийные отшиблены» [2, л. 298]. «Отношение хорошее, очень хочу работать, но не дают общественной работы, т.к. не комсомолка и не получаю стипендии» [2, л. 415]. «Работать на пользу общества люблю, однако поскольку я беспартийный, то мне работы нет» [2, л. 407об.]. По мнению других, в общественной работе участвовать должен каждый, но она должна быть интересной человеку, приносить явную пользу и не мешать учебе («не путать кашу с горохом»).

Интересно, как сами студенты реагировали на те социально-классовые критерии, которые тогда определяли судьбы людей и заставляли их «подстраивать» свои корни и биографии под нужный идеал. Студенты из семей служащих, чьи доходы были чрезвычайно низки, были недовольны преимуществами рабочих и крестьян при зачислении, распределении стипендий и мест в общежитии. Студентов из крестьян не устраивали преимущества рабочих. В ВХТ студент возмущался: «В первую очередь дают стипендии бездарному неспособному к специальности сыну рабочего, чем талантливому сыну крестьянина-бедняка, которому приходится покинуть впоследствии учебное заведение, ехать домой и зарывать в землю все, что дано. Это неправильно, нужно давать в первую очередь таланту, а потом обеспечивать бездарность, ибо с него проку, что с гнилой подошвы» [2, л. 286об.]. В ВВИ, наоборот, студент написал: «Я бы сказал, что есть так называемый “деревенский уклон”, что объясняется преобладающим процентом крестьян; выпячивание роли крестьянства и замазывание роли пролетариата» [2, л. 288]. Неясность социальных критериев, низкие доходы семей всех категорий, произвольное решение инстанций, решавших вопросы, обостряли конкуренцию и не способствовали товарищеским отношениям в молодежной среде.

Ответы показали еще один парадокс социальных реалий тех лет: молодежь хочет получить образование, но при этом очевидна боязнь изменения социального статуса в результате его получения: был рабочим или крестьянином, станет служащим, что воспринималось как преграда на жизненном пути. «Я комсомолец, в партию в техникуме вступить не удастся, а после окончания тем более, потому что будешь считаться служащим, и пока из комсомола передадут в партию... А поэтому на сегодняшний день сменил бы свою квали-

фикацию на квалификацию рабочего на заводе» [2, л. 408об.]. Очевидно укоренившееся потребительское отношение к членству в партии или комсомоле для достижения жизненного успеха. Из заполнивших анкеты витебских студентов около 50% были комсомольцами и членами профсоюза, только 44 человека были членами КП(б)Б. «Мало беспартийных студентов принимают и втягивают в партию, где можно было бы углубить и расширить свои политические знания», – писал студент из ВВИ [2, л. 298]. Недоволен работой партийной и комсомольской организацией студент ВКТ. Ими «не обращается внимание на беспартийную массу и ничего не делается по приему в партию или комсомол беспартийного актива» [2, л. 407].

Не удовлетворяло многих студентов положение с самокритикой и демократией в их учебных заведениях. «У нас всякую самокритику стараются приравнять к пессимизму и уклону», – отмечал студент политехникума [2, л. 401]. В ВХТ студент из крестьян писал: «Если есть уже постановление какого-нибудь органа – райкома, союза, так, брат, лучше ничего не говори, хоть и есть о чем говорить, и есть много недостатков. Однако сразу говорят: что для вас не авторитетно это постановление, ты против. А... У тебя брат душком пахнет, уклончик какой-то имеется. И чтобы не попасть на бюро или на профком – все молчат и голосуют за то, что в корне несправедливо» [2, л. 295]. Часто в анкетах упоминают «зажим», «давление», «навязывание». Одни отмечали боязнь критиковать руководство, это потом аукнется («послезавтра тебе с процентами отомстят», «может нагореть»), другие видели зажим со стороны партийного и комсомольского бюро или райкома. Многократно отмечалось «назначенчество» вместо выборов. В ВБПТ студенты считали, что «свое особое мнение зажимается в мощные клещи». «Выборы и перевыборы предсказуемы, кандидатуры обговариваются на партийных и комсомольских собраниях и навязываются сверху». «Комсомольцы на своих собраниях не рискуют высказать мнение, несовпадающее с мнением бюро. Тут же обвинят в невыдержанности» [2, л. 414об.]. В ВВИ: «Демократии нет, ее и не может быть, ведь каждое мнение, высказанное на собрании против верхов и партийных, грозит выкидыванием из партии, а беспартийным, как идеологически испорченного элемента, – из учебного заведения» [2, л. 298].

В учебных заведениях города учились белорусы, евреи, русские, поляки. Помимо еврейского педагогического техникума, высок был процент еврейской молодежи в политехническом, кооперативном, художественном техникумах. Напряженность в межнациональных отношениях и рост антисемитизма в конце 1920-х гг. ощущается в ряде цитируемых анкет. В ВБПТ белорусы из крестьян писали, что «евреи очень свободно себя чувствуют, чуть что – зовут нас антисемитами, за заносчивость белорусы их презирают». «Относительно евреев имею некоторое недовольство, примечаю за ними недобрые отношения

к белорусам» [2, л. 415об.]. В ВХТ «левым уклонением от основной линии партии» обозначил студент поведение преподавателя обществоведения, еврея по национальности. «Когда он заподозрит кого-либо в антисемитизме, старается, чтобы дали соответствующее наказание, вплоть до исключения, не базируясь на том, что обвиняемый, может быть, приехал из деревни, не знает сущности классовой борьбы и т.д., и его исключают» [2, л. 286об.]. В анкетах немало претензий и критических замечаний и со стороны студентов-евреев. Многие подчеркивали элементы антисемитизма у преподавателей и студентов. Считали, что борьба с его проявлениями носит формальный характер. Так, комсомольский лидер ВХТ «с евреями, как парнями так и девушками, ничего общего не имеет, презирает, но на словах борется с антисемитизмом», – отмечал один [2, л. 293]. Другой студент, кандидат в члены КПБ, увидел под лозунгом коренизации антисемитские нотки («мало белорусов, много евреев») [2, л. 402].

При поддержке национальной политики в целом, многие скептически относились к белорусизации образования, предпочитали русский язык. «Национальной розни быть не должно, но белорусский язык не хлеб, можно без него», считала студентка-белоруска из крестьян. Евреями критиковалась практика зачисления еврейских детей в школы на идише, даже если родители хотели отдать их в русские или белорусские: «Нужно свободное развитие культуры и языка каждой национальности, но отнюдь не насильно заставлять человека учиться на том или ином языке при поступлении в школу» [2, л. 402].

Дискуссии тех лет по половому вопросу были известны и витебскому студенчеству. Отзвуки вольных отношений иногда проявляются в анкетных выдержках. То парень 20-ти лет отрицает брак в годы учебы, но не прочь «иметь девушку, с которой можно было бы весело проводить время», то студентка пишет о браке: «Прочного взгляда у меня нет. По-моему, без детей, которые мешают работе, это полезно, потому что по моему темпераменту у меня бывали такие моменты, когда я не могла заниматься. Теперь этого нет, т.к. работа отнимает у меня все время. 2 года назад я была со своими парнями в близких товарищеских отношениях, теперь общественная работа вытеснила это» [2, л. 417об.]. Отрицание брака в годы учебы студенты обосновали так: «Потому, что половые отношения притупляют умственные способности, и они рано связывают человека, который еще не жил по-человечески. Естественно, есть исключения». «Если взрослый человек, то надо, иначе могут прийти к онанизму и проституции и другим последствиям» [2, л. 417об.].

Тем не менее, данные анкет показывают преувеличенность представлений о сексуальной свободе тех лет. По крайней мере, к концу 1920-х гг. и среди витебских студентов, количество сексуальных контактов было не столь велико. Многие писали о воздержании как реалиях своей жизни. Большинство

студентов высказывались за долгосрочные отношения, проявили ответственное отношение к браку, к проблеме рождения детей. «Брак мешает учебе. Но если влюбился, ничего не сделаешь. Очень хорошо будет, если выйдешь за любимую...» [2, л. 413об.]. «Если очень нравится девушка и без нее делается грустно, то в таких случаях я считаю возможным. Но надо обращать внимание на экономическое обеспечение» [2, л. 417об.]. «Да. Женитьба не так много отнимает времени мужчин (!), а, между прочим, делает его более спокойным. Но жениться без гроша в кармане нехорошо, даже нечестно по отношению к детям, если они будут» [2, л. 288]. Девушек волновала возможная беременность, проблема аборта, потенциальное отставание в учебе из-за домашних дел. Если принять за аксиому, что студенты отвечали честно, то совсем немногие курили и употребляли спиртное, нечасто пользовались косметикой.

В добавлении к одной из анкет писалось, что остались без внимания вопросы о дружбе и товариществе среди студенчества, о взаимоотношении полов, где много перегибов, о взгляде на девушек и на любовь. Одни презирали «игру в кавалеров и барышень» среди молодежи, определяли увлечение танцами как мещанство. Другие отмечали присутствие парням «неумение вести себя с девушками», общую «нашу бытовую некультурность». Выходя за рамки предложенных вопросов, студент-партиец в дополнении к анкете уточнял: «Важен для студентов вопрос о том, каким должен быть красный специалист, как он представляет себе свою миссию и оправдает ли он доверие пролетариата. Не станет ли часть из нас такими как шахтинцы, есть среди нас и такие, которые рисуют себе будущую “карьеру” в форме уютной квартирки и молоденькой жены, в обывательской благополучии. Материал анкет не должен остаться материалом статистики, а должен быть опубликован и стать основой широкой дискуссии среди самого студенчества, заставить задуматься над собой и исправлять массу изъянов, которые есть у нас» [2, л. 406].

У многих студентов была неудовлетворенность учебой, выбранной специальностью и перспективами в будущем. В ВПТ и ВВИ студенты отмечали недостаток клиник и лабораторий, нехватку специальной литературы, слабую связь теории с практикой. В кооперативном техникуме сквозило недовольство перспективами: «Отучился 3 года, а идешь работать счетоводом или техническим работником в канцелярию. Этому можно научить за 3–4 месяца». Пугала слабая материальная обеспеченность, нестабильность в работе. В педтехникумах отмечали плохое материальное обеспечение, тяжелый и неблагодарный труд учителя в деревне. Несмотря на попытки большевиков поднять престиж педагогического труда, очевидна его непривлекательность у многих студентов. Особенно это проявляется в ВППТ при ответах, чем руководствовался студент при выборе специальности и доволен ли ей.

«Руководствовался тем, что сюда легче поступить, чем в другое заведение, к науке тянет, лишь бы где, только учиться». Другой учительскую науку назвал «мукой», поступил потому, что просто некуда было поступать. «Какая это специальность, учительскую я за специальность не считаю. С одной стороны, работать на благо общества – хорошее дело, однако же, мало таких людей, которые работали бы за “спасибо”, а тут приходится». «Надо учиться 4 года, а потом получать 48 руб. жалования; драть глотку по 5 часов в день нет смысла» [2, л. 417].

Студентка ВЕПТ не хотела «возвращаться в местечко, которое фактически умирает, и лучше пойти туда, где жизнь только начинается» [2, л. 413об.]. Парни-евреи подчеркивали вынужденность учебы в евпедтехникуме, используя социальные мотивы. Один хотел учиться в политехникуме, однако его, рабочего-металлиста, но беспартийного, по этой причине отправили в ВЕПТ. Другой писал, что хотел бы быть рабочим, работать на заводе, пролетаризироваться. И добавлял: «Специальность педагога в будущей перспективе обеспечивает тебя очень плохо». Третий, явно ассимилированный, тяготился всем: «Не доволен тем, что еврейский язык, еврейская среда и т.д., в какой я буду работать и в современный момент тружусь, не удовлетворяют, потому что я не привык в такой среде быть» [2, л. 413об.].

Конечно, надо учитывать специфику источника, ориентированного на выявление критических замечаний; в других, «некритических», анкетах студенты, вероятно, указывали и на желание работать в педагогической сфере, и на стремление участвовать в просвещении народных масс, и на мотив стать специалистом, востребованным обществом. Для многих окончание техникума открывало дорогу к получению высшего образования в столичных городах.

Что касается мнения студентов о преподавателях, то они достаточно критичны. Только в одном случае студент отметил: «Чтобы узнать знания того или иного преподавателя, надо знать на 50% его дисциплину, а потом критиковать. Столько я не знаю» [2, л. 287]. Учитывая специфику источника, не акцентировавшего внимание на положительных моментах в ответах студентов, можно утверждать, что были преподаватели, которые соответствовали ожиданиям студентов и требуемой квалификации. Но в анкетах упоминалось и отсутствие педагогических способностей, игнорирование современного подхода к студентам, слабые знания, захват предметов по «шкурным интересам». Одни студенты называли фамилии, другие – предметы, третьи писали о преподавателях в общих чертах. Очень активно выявлялись недостатки идеологические. К чему их стимулировал и соответствующий вопрос анкеты. Особенно много комментариев по этому поводу было в ВВИ и ВПТ. «Есть много преподавателей с антипролетарской идеологией, но из-за нехватки даже этих, приходится мириться». «Есть преподаватели с антисоветскими настроениями, как например,

профессор Макаревский³» (Макаревский Алексей Николаевич, 1863–1942). «Более менее удовлетворяют, но идеологическое содержание не соответствует нужно. Есть группа старых профессоров, которые как лекторы хороши, но плохи как строители коммунизма» [2, л. 287об.]. Студенты ВБПТ нашли у себя и «идеалистов, не согласных с Марксом», и «приспособленцев с непролетарской идеологией». Вина преподавателя литературы заключалась в том, что, будучи толстовцем, при анализе произведений Л. Толстого их марксистского анализа не делал. В политехническом техникуме отмечали: «Инженер Павлов выступает против белорусизации, говоря, что это только для политики, чтобы показать Польше и т.д.». В преподавании у многих нет идейного содержания, что среди старых специалистов «мало советски настроенных», это чуждый элемент. Вывод категоричен: «Подбор персонала ни к черту не годится. Нужны люди свои, которые бы не только проходили программу за деньги, а которые понимали бы наши интересы, нашу жизнь и наше строительство» [2, л. 403]. В ВХТ у преподавателей были старые взгляды на современность в жизни и живописи («в духе старых академиков»). Многие политически не развиты, «просто преподаватели», а не общественные работники [2, л. 286]. В ВЕПТ беспокоились об отсутствии преподавателей-коммунистов, преподавателя русской литературы клеймили как «идеалиста до мозга костей», а еврейского языка – как шовиниста и националиста. Физик, «помимо того, что он шовинист, так он еще говорит, что советская власть плохая. Нет хлеба, кто виноват – советская власть» [2, л. 413]. В ВКТ один преподаватель, «бывший офицер», не имел «современного отношения к студентам», другой «не имеет подхода к студентам, потому что сам он сын помещика и все тянет к старому» [2, л. 408]. «Не верю обществоведу. Мяконецкий он, толстенький и рос на конфетах, а сейчас он развивает во мне марксистские взгляды, хотя его рука ни мозолей, ни оружия не видела, а только книжечки. Да и сколько... Сам он 1909 года» [2, л. 287].

Заключение. Конечно, всесторонне охарактеризовать витебское студенчество по материалам анкет невозможно в силу их ограниченного информационного потенциала, из-за того, что трудно сказать, насколько честны были анкетированные при ответах. На анализируемые материалы огромное влияние оказало и то, кто и зачем делал выборку именно этих мнений по интересующим партию вопросам.

К концу 1920-х гг. витебское студенчество в основном классово и идеологически соответствовало ожиданиям партии. Большинство студентов были выходцами из семей рабочих и крестьян. Наличие в регионе

³ Алексей Николаевич (Николаевич) Макаревский – выпускник Харьковского ветеринарного института, революционер-народоволец, ученый, профессор. Был первым заведующим кафедрой клинической диагностики ВВИ. Возглавлял профсоюзную секцию научных работников ветеринарного института, обвиненный в реакционных, антисоветских настроениях, покинул институт. С 1929 г. – сотрудник музея им. Крюткиной в г. Москве.

широких еврейских масс обусловило присутствие среди студентов выходцев из семей мелких ремесленников и торговцев. Большинство студентов было настроено антиклерикально, пропитано новой идеологией и классовыми представлениями новой эпохи. Процент членов партии среди студентов был не высок. Многие студенты хотели вступить в партию и комсомол. Однако этот процесс не форсировался, к тому же, по анкетам чувствуется, что, стремление вступить в партию и комсомол довольно часто вытекало не из идейных убеждений, а из желания получить льготы, вытекавшие из этой принадлежности. Процент студентов, объединенных в профсоюзы, по БССР составлял только 51%, а по СССР – 75% [5, л. 15]. Эти цифры соответствуют и ситуации в витебских учебных заведениях.

Все студенты были членами многочисленных кружков, читали газеты, много времени занимала общественная работа, которую студенты признавали важной. Но отмечали ее несправедливое распределение, игнорирование беспартийной молодежи, критически относились к студенческому активу. Волновало их отсутствие свободы в деятельности профсоюза, зависимость его от партийных органов, ограниченные возможности критики руководства учебных заведений и даже руководителей своих студенческих общественных организаций, особенно для беспартийной молодежи. Были проблемы в межнациональных отношениях. Признавая правильность национальной политики, многие высказывались о нерациональности белорусизации в образовании (отсутствие учебников, преподавателей, терминологии, «умерший язык») или в русифицированном Витебском регионе.

Витебские студенты не воспринимали педагогов как наставников, обладавших непререкаемым авторитетом. Многие их претензии к руководству по организации учебного процесса можно признать справедливыми (плохое финансирование, недостаток лабораторий и клиник, нехватка помещений, оборудования и даже мебели, недостаток практики, отсталые программы). Вопросы анкеты, составленные в условиях борьбы со «старыми специалистами», новой волны по пролетаризации студенчества и создания новой советской интеллигенции в условиях индустриализации, повлияли на ответы о преподавателях. Претензии носили, прежде всего, идеологический характер: отсутствие в читаемых курсах марксистской идеологии или недостаточное владение ею самими педагогами; социальное происхождение и выводимые из него личные качества (несоответствие эпохе, антипролетарская психология, приспособленчество) и «идеологические вывихи» преподавателей. Было много претензий и академического характера: плохое владение материалом, отсутствие педагогических способностей, работа как «отбывание барщины». Часть студентов была не

удовлетворена избранной специальностью и жизненными перспективами, с ней связанными.

Материальная сторона жизни была сложной. Большинство студентов проживало на стипендию, которая не обеспечивала их базовых потребностей, и к тому же часто дробилась. Тяжелые бытовые условия являлись причиной возникновения серьезных межличностных конфликтов. Ответы студентов показали, что у многих здоровье было расшатанным. Этому способствовали высокие нагрузки, проблемы с жильем и плохое питание. Студенты проживали в скученных условиях, в не отличающихся чистотой, теплотой и освещением комнатах. Калорийность пищи в столовой была низкой. Все это, наряду с необходимостью постоянной подработки, влияло на качество учебного процесса. Профсоюзы стремились к социальной поддержке студентов, требуя увеличения размера и количества стипендий, обеспечения местами в общежитии и их надлежащего санитарного состояния, организации льготного проезда, выделяли материальную помощь и путевки на санаторно-курортное лечение, занимались вопросами организации питания. Создавались кассы взаимопомощи и кооперативы, но из-за нехватки средств их возможности были небольшими.

Проблема отношений между полами волновала молодежь, дискуссии на эту тему были знакомы и в провинции. Но если судить по ответам, уровень сексуальной свободы среди витебских студентов конца 1920-х гг. носил умеренный характер.

Литература

1. Строгалова, А. Становление и начальный этап деятельности пролетстуда (1923–1925) [Электронный ресурс] / А. Строгалова // Исторический журнал: научные исследования. – 2017. – № 5. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-nachalnyy-etap-deyatelnosti-proletstuda-1923-1925/viewer>. – Дата доступа: 10.01.2021.
2. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 10051-п. (Витебский окружной комитет КП(б)Б). Оп. 1. Д. 735 (Материалы обследования работы агипропотделов, райкомов, культпросветорганов, школ, массовой работы в коллективах КПБ. 21.11.1928–12.1929).
3. Соколов, М. Стипендиальное обеспечение студенчества вузов Беларуси в 1920-е гг. [Электронный ресурс] / М. Соколов // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. – Мінск: БДУ, 2007. – Вып. 2. С. 61–66. – Режим доступа: <https://hist.bsu.by/images/stories/files/nauka/izdania/tif/2/Sokolov.pdf>. – Дата доступа: 12.01.2021.
4. (ГАВт.) – Ф. 2289 (Коллекция периодической печати). – Оп. 2.– Д. 1066 («Заря Запада»).
5. (ГАВт.) – Ф. 1292 (Витебский окружной совет профсоюзов). Оп. 1. Д. 292 (Протоколы заседаний Центрального и Витебского городского бюро Пролетстуда).

Поступила в редакцию 18.11.2021